

Уважаемый девятиклассник!

Задание 1

Предлагаем Вам два произведения. Выберите для анализа одно из них.

Выполните целостный анализ произведения.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Елена Прокопова

СТАДИОН

Знаете ли, я скажу вам секрет:

все это, быть может, было вовсе не сон!

Ф.М. Достоевский

«Сон смешного человека»

— За пивом не стойте — последний ящик! — высунувшись из окошка, гаркнула в конец очереди рябая продавщица, потрясая желейными подбородками.

Арбатские покупатели заволновались. Победкин услышал перед собой пять рифм на -ять и две на -ать. Одна из первых была «опять», одна из вторых «ждать».

В другое место идти — невозможно. В кармане три рубля, прилично закупиться можно только здесь. В студенческой столовой дорожке — продавать всё тем же студентам выгоды никакой, а в бане не отпустят отдельно от «горячего блюда».

Шел 1985 год, в мае вышел указ «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом и искоренении самогонварения», и хоть затрагивал он только портвейн и водку, а пива не касался никоим образом, как всегда нашлись прогнущиеся про запас, и продажу любого алкоголя закрутили жесточайше.

— Слышал, что на Хитровке говорят? — хрипло и натужно сказал стоящий перед Победкиным мужчина, обращаясь к кому-то в очереди.

Победкин не услышал ответа. Хриплый продолжил:

— Пятнадцать чехословацких станков пивных, говорят — на металлолом. Слышал? Новую работу искать надо, опять, -ять!

Очередь не расходилась. Ушла только женщина, стоящая перед Хриплым. Он кивнул на уходящую:

— Залетные! Нашего дела не знают.

Победкин пугливо улыбнулся и быстро кивнул. Что ответить, он не знал, а разговаривать общими фразами не умел.

Дородная продавщица ожидаемо высунулась из окошка через полчаса:

— Еще три привезли, товара шисят бутылок, больше не будет! — ухватившись за край окошка, она с грохотом его опустила.

Дождавшись своей очереди, Победкин купил десять бутылок, повесил пакет на руль и покатил по Арбату.

— Здорова, Боря! — крикнул ему вслед художник Анисимов, его арбатский приятель.

Удерживая равновесие на виляющем по гололедице велосипеде, Победкин неопределенно махнул рукой куда-то назад и вбок и крикнул:

— На обратном!

Анисимов был хороший мужик, один из немногих приятных уличных знакомых Победкина. Младше его на пяток лет, вышедший недавно на пенсию, Анисимов любил пригласить Победкина к себе в гости, в Черемушки, открыть перед ним банку шпрот, и так, за консервой и водкой, протекали их пространственные разговоры.

Черемушкинская квартира досталась Анисимову в последний аккорд победившего социализма — весь район застроили экспериментальным жильем. Последние этажи анисимовского дома предназначались художникам и состояли из квартиры и мастерской. Получив пол-этажа и не заботясь более ни о чем, включая хоть какую-то мебель, Анисимов хотел было выйти из Союза художников, но ему объяснили, что помещение отберут, и он остался, объясняя это так:

— Полвека мучился. И что? Намучил вот. Мне такой дом не в радость — может, детям...

О каких детях говорил шестидесятилетний художник — неизвестно, Победкин их никогда не видел. Они вообще не говорили о личном. И чем занимался Борис до развоза пива, было загадкой для его друга по шпротам. Победкин подозревал, что Анисимова это и не беспокоило — вилок много не цепляет, может выслушать — и ладно.

Бориса же вполне устраивало молчаливое участие в анисимовских монологах, какая-то причастность к умственному, и полбанки шпрот, конечно, не лишние.

Жил Победкин далеко от Черемушек, на Динамо, и потому в гости ездил только по воскресеньям.

Динамовские хоромы с потолками под четыре метра, с забитой доверху отдельной комнатой-библиотекой достались Победкину от родителей, которые в силу успехов отца на службе попали в треть советских жителей, расселенных поквартирно.

Фасадный восьмизэтажный дом не нравился Победкину с детства. Серый, стоящий всегда будто в тени, в постоянной сырости от частых московских дождей, он напоминал злоешищий пиратский корабль.

Наименьшая из четырех комнат, расположенная в конце квартиры, с дверью в углублении коридорной стены принадлежала Боре Победкину с рождения. Её стены, оклеенные бело-бежевыми обоями в цветущий ромбик, каждый сантиметр которых был тщательно осмотрен сердитым детским взглядом, никогда не были для него родными.

Зато родным был освещенный стадион, раскинувшийся за окном, как огромная пыльная воронка. Вечерами, пока в дверной скважине его двери не поворачивался ключ и Победкина не звали ужинать, он, подложив под себя толстые учебники, смотрел в окно и мечтал, глядя на белые стены стадиона, угадывая за ними большое, волшебное, бутылочно-зеленое поле.

Боря Победкин многие тысячи раз представлял, как он пробирается на стадион, в самый его центр, и загадывает желание. В своих мечтах после загаданного желания он вбегал в подъезд, поднимался по залитым солнцем пролетам и заходил домой, где на кухне его ждала мама и морковь с сахаром, и он съел бы морковь, а потом сказал бы маме:

— Я пойду читать, да?

И тут зашел бы папа с вырезанным дверным замком в руке, и он сказал бы:

— А пойдем лучше, Боря, на футбольный матч.

И они, конечно, пошли бы на футбольный матч.

Ещё Победкин мечтал о книжке «Таинственный остров», но боялся хотеть слишком много и мысль обрывал, чтобы не растерять силы, с которой следовало бы загадывать желание.

В семидесятом году родители умерли. Победкин собрал сбережения и сделал в квартире ремонт. Комната родителей — почти двадцать метров — стала библиотекой. На месте двуспальной кровати, трюмо и четырех широких шкафов, подпирающих высокий потолок, теперь стояли книжные стеллажи. На них соседствовали Драйзер и Хемингуэй, спасенные Победкиным из библиотек за небольшой штраф.

Вещи родителей он перевез в бывшую детскую, а сам переселился напротив. Каждое утро, выйдя из своей комнаты, он отпирал замок детской, проветривал скопившуюся затхлость нежилого помещения, протирал пыль на чемоданах с мамиными платьями, встряхивал отцовскую форму, проверяя спасающий от моли мешочек с лавандой и, взглянув напоследок на стадион, выходил и отправлялся на Арбат.

Прошное воскресенье у Анисимова прошло с двумя банками шпрот — художник распереживался:

— Боря, эту книжку, которую ты мне дал, ее никак нельзя было писать. Книжка ужасная.

Победкин молчал. Скажи он сейчас «можно», или «нельзя», или, к примеру, «лосось» — разницы никакой. Поезд Анисимова всегда двигался по одним рельсам.

— Ведь они там, что получается, они там испортились, на планете-то на этой? Как так может быть, чтобы человек от плохого примера портился? Какая-то ерунда ведь, скажи? Притом, от какого писателя... Наверное, у него была температура. Или как у них там — падучая...

— Падучая — это эпилепсия. — сказал Победкин в пустоту.

Анисимов выдохнул носом и кинул на стол вилку:

— Боря, ты чего такой умный, а?

Победкин уже пять минут держал шпротину за излом промасленного тельца и возил ее по краям банки. Теперь он резко, вместе со стаканом, запрокинул голову. Уронив ее на ладонь, Победкин шумно занюхал и откусил рыбу до хвостика:

— Родился такой.

Анисимов молчал, провожая взглядом бегущий по стене свет фар. Он уносился в мыслях прочь от Черемушек, по Ленинградскому проспекту до Динамо и от него через все поля на Селигер, рядом с которым, в деревянном доме, он провел детство.

— Боря, а ты, когда маленький был, у тебя была мечта?

— Была.

Анисимов посмотрел на него исподлобья:

— Ну раз была, так говори, какая. Я же тебя за этим спрашиваю, чтобы ты рассказал.

Победкин уставился на ладонь, по линиям которой собралась влага, и, обтерев руку о скатерть, ответил:

— Не мечта даже. Не такая, знаешь, мечта, когда велосипед хотят. У меня отец был военный. Хотел из меня тоже сделать... Ну, ефрейтора хотя бы. Видел меня на плацу. А я хотел на стадион, так скажем.

— И как ты, добрался?

— Куда?

— Ну, до стадиона-то?

— Да как тут доберешься. К родителям гости, а я запертый — учусь, вроде того. Все на горку — я запертый. Все в футбол — я запертый. Помнишь, было время, когда «Динамо» первенство страны выигрывало почти каждый год?

— В прошлой жизни...

— И даже тогда я сидел запертый.

Анисимов вязко подвигал челюстью и поднял на Победкина мутные глаза:

— Но потом ведь добрался? Как мы оба видим, погон на тебе нет.

— Да как-то не пришлось. С плаца убежал, а до стадиона не добрался. Так только, подмел трибуны, если образно.

Анисимов взял пустую консервную банку и поднял ее на уровень глаз, глядя на Победкина поверх вспоротого ножом жестяного бока:

— А у нас тут стадион через дорогу. Не образный, обычный. Маленький, конечно, зато закрытый. И половина дела, что он закрытый, так я еще и лаз знаю.

Он опустил банку и положил руку на связку ключей:

— Полезем? Не Бог весть что, но кое-что.

Пока Победкин соображал, что Анисимов имеет в виду, тот уже затягивал шнурки, размазывая концом переброшенного через шею шарфа лужи грязного, растаявшего в теплой прихожей снега.

— А я знаешь о чем мечтал? Я мечтал ни о чем не мечтать! Я ничего не хотел, ничего. Они пришли к родителям и сказали, о чем нам мечтать. А мне и так было хорошо! Бабушка была, мама, папа, корова... Не помню, как звали корову. И краски даже были.

Он высунулся из прихожей и кинул Победкину ботинки:

— Краски я сам делал. Плохонькие, конечно, но ничего себе, писать можно.

Пропустив перед собой Победкина, он захлопнул дверь и закрыл её на три оборота: — Пойдем. Только быстро, на улице жутко холодно.

Перебежав Обручева, они шли вдоль ворот Битцевского парка.

Победкин, немного отрезвев от холода, спросил:

— Сима, а почему тебе книжка не понравилась?

Закуривший Анисимов выдохнул облако плотного дыма:

— Ты понимаешь, Боря, плохо было человеку, раз он такое написал. Ты пойдешь, помоги, хоть не всем сразу, а хотя бы одному, и хватит с тебя. Есть в этом смысл?

— Да ведь ты не так всё понял!

Анисимов остановился, затоптал сигарету и прижал палец к губам. В заборе, окаймлявшем огромный Битцевский парк, прямо над кованым серпом не доставало палок. Подтянувшись, они перелезли через круглый железный венок и оказались внутри.

Жестом Анисимов пригласил за собой. Вытянув из кустов заляпанную зеленой краской лестницу, он тут же приставил ее к темноте. Победкин подошел ближе и увидел, что лестница висит над невысокими железными воротами футбольного стадиона. Спустя минуту они были внутри.

Победкин нетвердо шел между трибун. Мысли, образы, воспоминания громоздились одно на другое и, отягощенные водкой, липли к голове изнутри, растягивались, как бензиновые разводы, размывались, оставляя за глазами серую, грязную пленку.

«...Хватит свои глупости читать, мореплаватель! Во флот поступишь, там поплаваешь!...»

«...Прямо-прямо на Динамо вырыта большая яма. Рядом с ней живет Борис, он в окошечке повис!...»

«...Это из-за тебя отцу плохо, марш в комнату! И чтоб ни звука!...»

Выйдя на поле, покрытое рыхлым слоем снега, Победкин посмотрел вверх. Казалось, что снег кружится по спирали и оседает не на него, а вокруг.

Победкин зажмурился, закрыл покрепче рот и всем своим существом двинулся вверх, навстречу лунному свету и вихрю снежинок, тихо, но четко произнося выученное с детства.

«...морковь с сахаром, когда хочется...»

«...чтобы вырезал замок и ключ выкинул, одним махом — прямо в окно...»

«...и на футбольный матч, на команду “Динамо”, втроем, с мамой...»

«...и “Таинственный остров”, если можно...»

Борис открыл глаза. Перед ним прямо на снегу сидел Анисимов.

— Ну чего? Нашел свой стадион? — Встав и отряхнувшись, он сказал: — Утро уже, давай по домам.

Выйдя из метро, Победкин зажмурился. Утреннее солнце слепило, грело, топило выпавший ночью снег, било в окна, прогревало холодные каменные ступени в подъездах домов. Пошатываясь от бессонной ночи и держась одной рукой за теплую стену, Победкин вставил ключ в замок входной двери. Войдя в прихожую, он увидел, что на кухне горит свет. Вспоминая на ходу, открывал ли он только что замок, Победкин забежал внутрь.

Там, за кухонным столом, в свете утреннего солнца сидел молодой солдат и читал книгу. Борис медленно опустился на стул и выдохнул:

— Папа...

Солдат заложил книгу газетой и повернулся. Победкин подавился воздухом и заплакал. Вспомнив о чем-то, он вскочил было, но солдат поднял руку, и Победкин послушно сел.

Они смотрели друг на друга. Солдат — красивый, загорелый, точно такой, как был на фотографии, сидел совсем рядом. Победкин пытался взглянуть в его лицо, но не мог — слишком ярко светило солнце.

Почувствовав, что засыпает, Победкин встал:

— Папа, мне пора уже спать. Я тебя пока поселю в своей старой комнате. Но вообще ты можешь устраиваться, где захочешь.

Сказав это, Победкин вдруг вспомнил своего отца. Не с фотографии, настоящего. Вспомнив, он понял, что и как он только что сказал, то есть кому он посмел указывать и советовать, и, вжав голову в плечи, едва не зажмурился. Но наказания не последовало — солдат мягко кивнул ему и отвернулся.

Проснувшись к вечеру и держа голову под холодной водой, Победкин пытался вспомнить события прошедшей ночи. Вспомнив, он дернулся было к детской, но осел на край ванны и улыбнулся.

Наутро он зашел к родителям и снял с пустой кровати уже слишком влажное от залежалости одеяло. Заменял лавандовый мешочек на свежий, встряхнул форму, протер пыль со старого граммофона и, выйдя, хотел было запереть дверь. Задумавшись на секунду, он снял ключ от детской с кольца брелока и кинул бугристый, тяжелый кусок латуни куда-то на пол. Глухо бумкнув о паркет, ключ упал на валяющийся неподалеку пыльный учебник.

Вернувшись в комнату, Победкин подошел к окну и сквозь стекла посмотрел на стадион слезящимися от старости глазами. Поддавшись мальчишескому порыву, он вдруг влез на подоконник и выглянул в форточку. Ветер бросал белые победкинские волосы от

виска к виску, пряди щекотали нос, заставляя чихать, и Победкин чихал. Чихал не по-мужски, грудным и серьезным «Апчух!», а каким-то дурацким, высоким и даже стыдным «Апчуй!».

Надышавшись вдоволь и напоследок глупо подмигнув непонятно кому, Победкин слез с подоконника, отряхнулся и пружинистым шагом вышел из квартиры.

Дойдя до Арбата, Победкин поздоровался с Хриплым и встал за ним в очередь.

— А я не смотри, что хриплый. Жена у меня знаешь кто? Редактор она, в издательстве, вот кто. По детской литературе. Я тут видел, ты книжку читал. А не пишешь, нет?

Победкин, странно развязный, вдруг честно ответил о том, чего никто не знал:

— Пишу! Как раз детское. Приключенческие романы.

Хриплый доверительно наклонился:

— А хочешь, передам ей? Ну а вдруг. Глядишь, и повезет, а? Тащи завтра свой приключенческий. Люба, десять бутылок, пожалуйста! — последнее Хриплый сказал, протягивая деньги в окошко.

Победкин радостно кивнул и, махнув на бутылки, побежал к повороту — там, на низком стульчике, уже должен был сидеть Анисимов.

Но Анисимова не было. Ни в тот день, когда Хриплый предложил помощь, ни в следующий, когда забрал ворох сшитых бумаг.

Много позже, получив авторский экземпляр, а значит, и повод к визиту, Победкин стучал в дверь одной из черемушкинских квартир.

Ему открыла женщина, за полы халата которой уцепился мальчик лет семи. В отремонтированном коридоре за ее спиной угадывалось анисимовское жилье, так что не могло быть никакой ошибки. Женщина выжидающе, но дружелюбно смотрела на Победкина, и он сказал, смутившись:

— Здравствуйте! Скажите, Серафим Анисимов тут живет? Я его друг, Победкин.

Женщина отвела ребенка за себя и сказала:

— Папа умер. Погодите... Победкин, Победкин... Борис?

Победкин кивнул.

— Папа вам книгу оставил. Ну, кажется, что книгу. По весу. Она запечатана.

Пригласив Победкина за собой, женщина сходила в комнату и вынесла прямоугольный сверток. Победкин повертел его в руках, поблагодарил женщину и собрался было уходить, но почувствовал на себе взгляд. Обернувшись, он посмотрел на мальчика, глядящего на него круглыми озерами голубых, совершенно анисимовских глаз:

— Как тебя зовут, дружок?

Мальчик держался за полы мамино халата и молчал. Женщина сказала:

— Митей зовут. Он вас боится, потому что сверток открыть хотел. Мы ведь думали, что книжка там, а он нас услышал. Читать любит, сил нет. Разоришься с ним, книжки на неделю хватает. Ой, да не обращайтесь...

Победкин улыбнулся и протянул мальчику свою книгу. Женщина посмотрела на сына:

— Митя, что надо дедушке сказать?

Мальчик ответил:

— Шпасибо...

Попрощавшись, Победкин вышел в подъезд и подошел к окну. Положив на подоконник сверток, он разорвал бумагу. Внутри действительно была книга — Жюль Верн, «Таинственный остров».

Грустно усмехнувшись, Победкин посмотрел в окно, мимо выключенных щеток фонарей стадиона, торчащих над кронами Битцевского парка, в слепящую синеву неба.

В это время мальчик Митя, сидя на подоконнике в своей комнате, нетерпеливо вел пальцем по обложке книги, пахнувшей свежей, типографской краской.

— Шта-ди-он!

Мальчик поднял взгляд в окно, на белый забор, просвечивающий между стволами деревьев, и открыл книгу.

(2019)

Андрей Вознесенский

Баллада 41го года

Партизанам Керченской каменоломни

Рояль вползал в каменоломню.
Его тащили на дрова
К замерзшим чанам и половням.
Он ждал удара топора!

Он был без ножек, черный ящик,
Лежал на брюхе и гудел.
Он тяжело дышал, как ящер,
В пещерном логове людей.

А пальцы вспухшие алели.
На левой — два, на правой — пять...
Он
опускался
на колени,
Чтобы до клавишей достать.

Семь пальцев бывшего завклуба!
И, обмороженно-суха,
С них, как с разваренного клубня,
Дымясь, сползала шелуха.

Металась пламенем сполошным
Их красота, их божество...
И было величайшей ложью
Все, что игралось до него!

Все отраженья люстр, колонны...
Во мне ревет рояль сталь.
И я лежу в каменоломне.
И я огромен, как рояль.

Я отражаю штолен сажу.
Фигуры. Голод. Блеск костра.
И как коронного пассажира,
Я жду удара топора!

(1967)

Задание 2.

Вы выступаете перед иностранной аудиторией, состоящей из Ваших ровесников, и **рассказываете** о литературных интересах российских читателей. Чем, на Ваш взгляд, объясняется популярность произведений жанра фэнтези среди подростков?
(Примерный объем 100 – 150 слов)

Желаем успехов!